

ОТКУПЩИКОВ Ю. В.

ЗАКОН ЛАХМАНА В СВЕТЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДАННЫХ (Гипотезы и факты)

Фонетическая закономерность, известная под именем «закона Лахмана», состоит в том, что латинские причастия перфекта на *-tus* удлиняют свой краткий корневой гласный, если соответствующий глагольный корень оканчивается на звонкий смычный: *āgo*, по *āctus*, *lēgo* — *lēctus*, *cādo* — *cāsus* (< **kād-tos*), *fūdo* — *fūsus* (< **fūd-tos*) и т. д. (примеры с редким индоевропейским звуком **b* в латинском языке отсутствуют). Долгота гласных у причастий этого типа подтверждается: а) свидетельствами античных авторов (А. Gellii Noctes Atticae, IX, 6; XII, 3), б) наличием апекса в надписях (*āctum*, *tēctor* и др.), в) отсутствии слияния гласных (**cōāgo* > *cōgo*, но *cōāctus*, ибо *ō* и долгий *ā* не сливались), г) сохранением качества долгого гласного в срединном слове (*contāctus* — с сохранением *ā*, но *confēctus* — с изменением *ā* > *ē*), д) упрощением *-ss-* > *-s-* после долгого гласного (*cāssus* > *cāsus*, но *pāssus* — с сохранением двойного *-ss-*), е) данными романских языков (лат. *tēctum* > франц. *toit*, но *dictum* > *dit*); ж) греческой транскрипцией латинских слов (Ρήκτωφ — с *η*, а не *ε*).

Однако эта закономерность, впервые сформулированная К. Лахманом [1, с. 54—55] («ubi in praesenti media est, participia producuntur»), обнаруживает определенные трудности, с которыми сталкиваются исследователи при попытках ее объяснения и обоснования. Прежде всего, обычно принято считать, что латинские причастия перфекта представляют собой древние и.-е. отглагольные прилагательные с суффиксальным *-t-* (типа др.-греч. ἀτός, др.-инд. *vittāh*). Однако оглушение корневого смычного у этих прилагательных произошло еще в и.-е. эпоху, причем без удлинения корневого гласного, ибо ни один и.-е. язык, кроме латинского, этого удлинения не знает. Чтобы как-то спасти положение, Ф. де Соссюр предложил гипотезу о вторичном аналогическом восстановлении звонкости у латинских причастий типа *āctus* [2]. Эта гипотеза, поддержанная Ф. Зоммером [3, 136—137], не может быть признана убедительной, ибо представляет собой *argumentum ad hoc*: этап аналогически восстановленной звонкости реконструируется специально для объяснения закона Лахмана, причем реконструкция эта не подкрепляется ни одним фактом, кроме того же самого закона Лахмана. Получается явный *circulus vitiosus* в процессе доказательства. Кроме того, корни с исходом на *d* вообще нельзя объяснить с помощью этой гипотезы, ибо в образованиях типа **kassos* звонкость корневого гласного не могла восстановиться под влиянием *cado*. Наконец, гипотеза Ф. де Соссюра — Ф. Зоммера не в состоянии объяснить, почему у одних причастий эта звонкость восстанавливалась (**lēktos* > **lēgtos* > *lēctus*), а у других — нет (*strictus*). Таким образом, индоевропейское оглушение перед *t* и сугубо латинское удлинение корневого гласного оказываются в неразрешимом противоречии и оставляют открытым вопрос о причинах удлинения корневого гласного у причастий типа *āctus*.

Вторая сложность заключается в том, что не все причастия перфекта, оглушившие звонкий смычный в исходе корня, удлинили краткий корневой гласный. В самом деле, расхождения здесь, казалось бы, совершенно необъяснимы (см. с. 84).

Неудовлетворительными оказываются попытки исключить из сферы действия закона Лахмана корни на *d* [4, с. 265—268, ср. 5], ибо последние составляют почти половину всех случаев с долгим гласным: *cāsus*, *ēsus*, *fresus*, *-ōsus*, *vīsus*, *fūsus*, *tūsus*, а также, по-видимому, *divīsus* и

<i>ēdo</i> — <i>ēsus</i> ,	но	<i>sēdeo</i> — <i>sēssus</i> ,
<i>pāngo</i> — <i>pāctus</i> ,	но	<i>pāndo</i> — <i>pāssus</i> ,
<i>fūdo</i> — <i>fūsus</i> ,	но	<i>fīndo</i> — <i>fīssus</i> ,
<i>tūdo</i> — <i>tūsus</i> ,	но	<i>stringo</i> — <i>strictus</i> ,
<i>cādo</i> — <i>cāsus</i> ,	но	* <i>lādo</i> — <i>lāssus</i> ,
<i>ōdium</i> — <i>-ōsus</i> ,	но	<i>fōdio</i> — <i>fōssus</i> ,
<i>ligo</i> — <i>līctor</i> ,	но	<i>fīngo</i> — <i>fīctus</i> .

gavīsus. То же следует сказать о попытке исключить корни с гласным *i* [4, с. 265—266; 6; 7], но ср. *ligo* — *līctor*) или носовым инфиксом в формах инфекта (13, с. 123; 8, с. 81], но случаи типа *pāctus*, *frāctus*, *tāctus*, *frēsus*, *fūsus*, *tūsus* составляют примерно одну треть всего материала). Можно было бы исключить корни, содержащие одно временно и гласный *i*, и носовой инфикс (странно, что этого наблюдения, кажется, никто, до сих пор не сделал). Нельзя найти ни одного примера, где у причастий таких глаголов можно было бы обнаружить долгий гласный в корне. Однако, во-первых, это было бы не объяснение, а простая констатация факта (что, в принципе, могло бы быть и случайным). Но главное — и в этом случае краткость корневых гласных у причастий *lassus*, *passus* (*pando*), *sessus* и *fossus* будет нарушать анализируемую фонетическую закономерность.

Трудности, связанные с интерпретацией столь противоречивых фактов, привели к тому, что еще в XIX в. Г. Остгоф пытался объяснить все случаи с долгим гласным в корне причастий перфекта не как фонетическую закономерность, а как результат действия аналогии [9, ср. 10]. Поскольку более или менее единое объяснение здесь невозможно, Г. Остгоф и его последователи ссылались на аналогическое воздействие то перфекта (*ēdi* → *ēsus*), то супина (*cāsum* → *cāsus*), то указывали на наличие форм с долгим гласным у того же самого корня (*tēgula* — *tēctus*). Однако последний довод несостоятелен уже в силу того, что древние и.-е. отглагольные прилагательные с суффиксом *-*t-* не имели продленной ступени огласовки корня (ср. др.-греч. *κλυτός*, др.-инд. *ḥrutáh*, лат. *in-clutus* при корне **k̑leu-*), супин — слишком редкая форма для того, чтобы быть источником аналогического воздействия, к тому же (не без обратного аналогического влияния со стороны *-*t-* причастий) почти всюду совпавшая в латинском языке со средним родом причастия (сначала — в корне, а затем, после изменения *-om* > *-um*, — и в корне, и во флексии). Наконец, если *ēdi* оказало аналогическое воздействие на *ēsus*, то почему при перфекте *sēdi* сохранилось *sēssus*? Мы уже не говорим о многочисленных примерах типа *dīxi* — *dīctus*, *rūpi* — *rāptus*, *vēni* — *vēntus* и т. д., где огласовка причастия прот и в о с т о и т огласовке перфекта, а не совпадает с ней.

В связи со ссылками на предполагаемое аналогическое влияние перфекта нельзя не вспомнить слова М. М. Покровского, написанные им еще в конце XIX в.: «Историк латинского языка должен... с особенной осторожностью поступать с аналогией, не спеша относить каждое трудное явление в разряд аналогических новообразований» [11]. О невозможности объяснить действием аналогии все случаи удлинения корневого гласного латинских причастий типа *āctus* писал еще в 1902 г. Ф. Зоммер [3, с. 137].

Итак, несмотря на многочисленные попытки его решения, вопрос о законе Лахмана остается одним из наиболее сложных вопросов исторической фонетики латинского языка — «крепким орешком» для целых поколений компаративистов [12, с. 295]. Наше объяснение закона Лахмана вкратце сводится к тому, что образования, не удлинившие своего корневого гласного, представляют собой включенные в систему латинских причастий древние и.-е. отглагольные прилагательные [13, с. 5—40]. Оглушение звонкого смычного у них произошло еще в и.-е. эпоху, когда это оглушение не приводило к удлинению корневого гласного (ср. лат. *pīctus*, и; др.-инд. *piṭtáh*, лат. *fissus* — др.-инд. *bhittáh*, лат. *sēssus* — др.-инд. *sattáh*, лат. *scissus* — др.-греч. *σιστός*). В тех же случаях, когда гласный удлинился, мы имеем дело с латинскими новообразованиями, возникшими в процессе унификации системы латинских причастий. Оглушение

звонкого смычного происходило здесь уже на латинской почве, и оно — в отличие от и.-е. оглушения — приводило к удлинению корневого гласного. Новые латинские причастия в основном появились на месте древнеиндоевропейских отглагольных прилагательных с суффиксом **-n-*, вытеснив их из глагольной системы (**agnos* → **āgtos* > *āctus*). Теоретически можно также предположить, что в отдельных случаях оглушение звонкого смычного на латинской почве произошло после синкопы. Но за исключением **agetos* > *āctus* какие-то аргументы в пользу синкопы можно привести только для немногих глагольных корней с исходом на *d* (*cāsus*, *fūsus*, *-ōsus*, *tūsus*, *vīsus*). Причем несинкопированные формы в отдельных случаях могли быть лишь промежуточным этапом вытеснения образований с суффиксом *-n-* причастиями с суффиксальным *-t-*. Например, **agnos* > **agetos* > *āctus*. Важно отметить, что предложенное решение вопроса о законе Лахмана является не чисто фонетическим, а фонетико-словообразовательным и фонетико-морфологическим¹. В специальной литературе предложенная интерпретация фактов, связанных с законом Лахмана, не вызвала принципиальных возражений (ср., например, [16, 17]). Что же нового содержат последние (1968—1983 гг.) работы, посвященные рассматриваемому вопросу? Б. Б. Ходорковская в 1970 г. опубликовала статью, в которой она подходит к вопросу «не с исторической точки зрения, не в диахронии, а в синхронии» [18, с. 85]. Автор дает интересную классификацию латинских глаголов (включая глаголы с долгими гласными в системе инфекта), разбив их на несколько типов. Однако выводов о характере и о причинах действия закона Лахмана Б. Б. Ходорковская не делает, изложенной интерпретации закона Лахмана не касается, а саму книгу упоминает только в связи с тем, что в ней дается детальный разбор научной литературы [18, с. 85, примеч. 3].

Т. А. Карасева, следуя «чисто теоретической» гипотезе Я. Отрембского и опираясь на некоторые из приведенных выше реконструкций (*āctus* < **agitōs*, *cāsus* < **kadītōs* и др.), делает вывод о том, что в с причастия, удлинившие свой корневой гласный, явились результатом синкопы и что удлинение это произошло еще до оглушения звонкого смычного — под влиянием палатализации [19]. Эта совершенно новая и оригинальная интерпретация, на мой взгляд, остается недоказанной рабочей гипотезой. И у гипотезы этой имеется ряд слабых пунктов. Во-первых, примеров синкопы, которая может быть подтверждена какими-то фактами, слишком мало, чтобы делать столь далеко идущий вывод. К тому же автор не привела ни одного нового примера, доказывающего возможность синкопы у латинских причастий перфекта с долгим гласным в корне. Более того, Т. А. Карасева не учла такого интересного случая, как умбр. *qirseto* и др.-инд. *viditāh*, позволяющих реконструировать праиталийск. **qidītōs* [13, с. 28], хотя обещала в начале своей статьи использовать данные умбурского и оскского языков [19, с. 4]. Во-вторых, все приведенные в статье Т. А. Карасевой причастия (кроме *-ōsus*) имеют надежные индоевропейские соответствия с суффиксальным **-n-*, а случаев, когда оглушение звонкого смычного явилось результатом вытеснения формы с суффиксом *-n-* новообразованием с суффиксом *-t-*, гораздо больше, чем случаев с гипотетическим допустимой синкопой. Формы типа **agetos* или **agitōs*, как мы видели выше, могли представлять собой лишь промежуточный этап в вытеснении отглагольных прилагательных на *-nos* причастиями на *-tos*. Поэтому синкопа (если она, действительно, имела место) в ряде случаев — всего лишь частный случай того более общего процесса, который при формировании системы латинских причастий перфекта привел к фонетическим изменениям, получившим наименование закона Лахмана. Наконец, удлинение корневого гласного латинских причастий на *-tos*, очевидно, не могло явиться результатом воздействия палатализованного

¹ Попытки увязать закон Лахмана с формированием системы латинских причастий предпринимали Х. Педерсен и Я. Отрембский. Однако первый из них считал — вопреки фактам, — что как раз у тех причастий, которые вытеснили более древние образования на *-nos*, корневой гласный не удлинялся [14]. Я. Отрембский о вытеснении *-nos* → *-tos* и о синкопе писал только как о «чисто теоретической возможности» [15].

d или *g*, ибо мы не знаем подобного удлинения в таких словах, как *fūgitum*, *fūgitivus*, *frāgium*, *rēgimen*, *tēgimen* и мн. др. Поэтому целесообразнее видеть в удлинении гласного причастий типа *āctus* следствие оглушения звонкого смычного, а не результат его палатализации.

В 1968 и 1970 гг. появились небольшие заметки Е. Куриловича [12] и К. Уоткинса [20, 21], посвященные закону Лахмана. Кроме того, Е. Курилович остановился на этом вопросе также в своей «Индогерманской грамматике» [22]. Как и многие другие лингвисты, Е. Курилович не верит в возможность аналогически восстановленной звонкости у причастий типа *āctus* [12, с. 295]. Не видя иного выхода и продолжая линию Г. Остгофа, он считает, что удлинение корневого гласного у латинских причастий произошло под аналогическим воздействием форм перфекта. Однако Е. Курилович особо подчеркивает, что его объяснение — не фонетическое, а фоморфологическое, и выделяет в качестве фонетического условия действия закона наличие *d*, *g* или *m* в исходе корня, а в качестве морфологического — наличие идентичного корня в причастии перфекта и в основе инфекта. По его мнению, оппозиция в долготе в случаях типа *lēgo* — *lēgī* должна была распространиться и на пассив: *lēgitur* — *lēctus est*. Таким образом, **lēctus* изменилось в *lēctus* под влиянием перфекта *lēgī*. Выход Е. Куриловича за пределы корней с исходом на *d* и *g* (с единственным примером *ēmō* — *ēmī* — *ēmtus*) привел к тому, что К. Уоткинс объявил: закон Лахмана — вообще «не фонетический закон» («is not a phonetic rule at all»). Главное достоинство интерпретации Е. Куриловича, по мнению К. Уоткинса, — это демонстрация и мотивация м о р ф о л о г и ч е с к о г о характера изменения [20, с. 61]. К тому же выводу приходит в своей монографии о «правиле Лахмана» и К. Штрук, всячески подчеркивающий, что перед нами — не фонетический закон, а «грамматическое правило» («eine grammatische Regel») [23]. Ряд серьезных критических замечаний в связи с гипотезой Г. Остгофа — Р. Кента — Е. Куриловича — К. Уоткинса высказал Н. Коллиндж [24]. Интересным, в частности, представляется его объяснение вторичного характера *ēmī* (под влиянием *ēmtus* — с долготой из *dēmtus* < **dē-ēmtus*)². Чисто морфологическая интерпретация закона Лахмана, по мнению автора, — неприемлема [24, с. 243]. В то же время, следуя тезису К. Уоткинса о том, что закон Лахмана «is not a phonetic rule», М. Перини делает логический шаг дальше, заявляя, что «it is not a rule at all» [25]. Не случайно, видимо, в одной из сравнительно новых работ, посвященных разного рода фонетическим изменениям в латинском языке [26], о законе Лахмана не сказано буквально ни слова.

Касаясь гипотезы Г. Остгофа в трактовке Е. Куриловича и К. Уоткинса, следует прежде всего отметить, что отдельные случаи аналогического взаимодействия между формами перфекта и перфектного причастия не ограничивались случаями воздействия форм перфекта на причастие. Более того, как раз наоборот, обычно однотипные формы причастия оказывали аналогическое влияние на пестрые по своему типу активные формы перфекта (ср. *diffūsī*, *iussī*, *ussī*, *coepī*, а также поздние формы: *cursī*, *prēnsī*, *respōnsī*) [13, с. 8; 24, с. 235]. А. Эрну считает возможным аналогическое воздействие причастий *rectus* и *tectus* на перфекты *rēxī* и *tēxī* ([27]; позиция А. Эрну здесь прямо противоположна позиции Е. Куриловича и К. Уоткинса). Но если даже считать, что активные формы перфекта оказали аналогическое воздействие на пассивные причастия, мы должны предположительно допустить только случаи *lēgī* — *lēctus*, *edī* — *esus*, *ōdī* — *ōsus*, *vidī* — *vīsus* и *fūdī* — *fūsus* (из корней с исходом на **g^u* также

² См. [24, с. 235]. Кстати, формы *cōmō* (< **cō-ēmō*), *cōmpsi*, *cōmptum*, *cōmere* могут быть удовлетворительным образом объяснены лишь как **cō-ēm(p)sī* > *cōmpsi*, **cō-ēm(p)tos* > *cōmptus*, где у причастия *emptus* в корне *ē*, а не *ē*. Ср.: *cō-ēmō* > *cōmō* как **cō-āgō* > *cōgō*, но *cō-ēm(p)tos* > *cōmptus*, а не **cō-ēmtus* — как *cō-āctus*. Что касается глагола *cō-ēmō* — *cō-ēmtus* и простого причастия *ēmtus*, то вторичная долгота *ē*, помимо приведенного выше объяснения Н. Коллинджа (< **dē-ēmtus*), может быть объяснена также как результат оглушения звонкого вставного смычного *b* в **emtos* (= литов. *iēmtas*) > **ēm-b-tos* > *ēmtus* (см. [24, с. 246, примеч. 13]).

flūctus и *strūctus*, но вне объяснения остается *frūctus*). Необъясненными остаются причастия *pāctus*, *tāctus*, *cāsus* и *tūsus* (перфекты с удвоением), *āctus*, *frāctus* (качественное противопоставление гласных перфекта гласным презенса и причастия), *rēctus*, *tēctus* (см. выше), *frēsus* (отсутствие форм активного перфекта). Попытки реконструировать перфектные формы типа **āgī*, **rēgī*, **rēgī*, **tēgī* — в высшей степени сомнительны, представляя собой открытые *argumenta ad hoc*. Кроме того, ссылки на аналогию не могут удовлетворительным образом объяснить расхождения типа *ēdī* — *ēsus*, но *sēdī* — *sēssus*, *ōdī* — (*per*)-*ōsus*, но *fōdī* — *fōssus*, *pānxi* — *pāctus*, но *finxi* — *fīctus*.

Главное же — само предположение о том, что долгий гласный причастия и активного перфекта противостоит краткому гласному презентных форм, — глубоко ошибочно. Ни один глагольный корень, не имеющий исхода на звонкий смычный, не дает удлинения гласного в причастии под влиянием форм перфекта (ср. *ēgī* — *āctus*, но *cēpī* — *cāptus*, *fēcī* — *fāctus*, *fūdī* — *fūsus*, но *rūpī* — *rūptus*, *vēnī* — *vēntus* и мн. др.). Более того, нормой здесь является противопоставление краткого гласного презентной основы и перфектного причастия долгому гласному активного перфекта (или иным его формам), ср., например, *vēnīo* — *vēnī* — *vēntus*.

Сходная картина у глагольных корней с долгим гласным в основе презенса: *dīcō* — *dīxi*, но *dīctus*; *dūcō* — *dūxi*, но *dūctus*; *īcō* — *īcī*, но *īctus* и др. Здесь перед нами — обычная слабая ступень огласовки корня отглагольных образований с суффиксальным *-t*. Иное дело — у глаголов со звонким смычным в исходе корня: *frīgō* — *frīxi* и *frīctus*, *cūdō* — *cūdī* и *cūsus* и т. д., всего 19 примеров, и ни одного надежного случая с кратким гласным в корне причастия. Поскольку у подобного типа причастий с глуким смычным в конце корня, напротив, не обнаружено ни одного надежного случая с долгим гласным, П. Фуше имел все основания к тому, чтобы и причастия, образованные от глаголов с долгим гласным в основе инфекта, отнести к сфере действия закона Лахмана [8, с. 82—86]³, ибо здесь этот закон, кажется, вообще не знает исключений. Эти факты нельзя отрывать от рассмотренных выше, а между тем они никак не укладываются в прокрустово ложе интерпретации Е. Куриловича — К. Уоткинса.

Как уже было отмечено, главную заслугу Е. Куриловича К. Уоткинс видит в том, что тот обратил внимание на морфологический аспект явлений, связанных с действием закона Лахмана [20, с. 61]. По мнению М. Перини, фоморфологическая интерпретация этого закона «была впервые выдвинута Куриловичем в 1968 г. и впоследствии развита Уоткинсом» [25, с. 144]. Однако подобного рода общая идея высказывалась уже давно в работах ряда исследователей, и именно морфологический и словообразовательный аспекты являются определяющими в предложенной выше интерпретации закона Лахмана. Перейдем к фактам.

Авторы рассмотренных выше работ исходят из ошибочной предпосылки, что все анализируемые ими причастия восходят к соответствующим отглагольным прилагательным и.-е. эпохи. Между тем хорошо известно, что в индоевропейском не было единого суффикса отглагольных прилагательных. Они формировались, по большей части, с помощью суффиксальных **-t* и **-n*. Позднее — при формировании системы причастий в рамках уже отдельных и.-е. языков — эти языки по-разному использовали те и другие формы. В индоиранских, германских и славянских языках в системе причастий сохранились образования с обоими суффиксами. В латинском языке, как, например, и в литовском, в качестве единого суффикса причастий стал выступать суффикс *-t*. В процессе унификации латинских (и литовских) причастий не избежны были случаи вытеснения древних и.-е. прилагательных с суффиксом *-n* новообразованиями с суффиксом *-t*. Причем, нужно подчеркнуть, что это — не гипотеза, а бесспорный

³ Е. Курилович и его последователи этих глаголов или вообще не рассматривают, или не уделяют им должного внимания.

факт⁴, который можно проиллюстрировать на примерах типа:

лат. *pl re — plē-n-us, im-plēre — im-pl-t-us*,
литов. *pilti — pil-n-as, i-pilti — i-pil-t-as*.

В обоих случаях более древние отглагольные прилагательные (ср. ст.-слав. *пльнъ*, гот. *fulls* и др.) образованы с помощью суффикса *-n-*, а более поздние глаголы с приставками имеют причастия с суффиксальным *-t-*.

Важно отметить, что при весьма незначительном количестве реликтов и.-е. отглагольных прилагательных с суффиксом *-n-* в латинском языке, они в ряде случаев засвидетельствованы именно у тех глагольных корней, которые удлиннили свой корневой гласный по закону Лахмана. Реконструкция отглагольных прилагательных с суффиксом *-n-* для этих корней базируется также на материале родственных и.-е. языков. Косвенным доказательством правомерности этих реконструкций является также наличие у этих корней производных с суффиксами *-men-* и *-r-*, закономерно чередующимися с суффиксальными *-n-* (о чередованиях *-men-/n-* типа лат. *lūmen*: *lūna* см. [30; 13, с. 40—47]); (о чередованиях *-r-/n-* типа др.-греч. *δῶρον*: лат. *dōnum* см. [31]). Приведенная ниже таблица дает представление о предлагаемых реконструкциях (в скобках последней графы для проверки гипотезы Е. Куриловича — К. Уоткинса даются соответствующие формы перфекта).

Как видно из таблицы, из 14 глагольных корней с исходом на звонкий смычный, удлинивших свой гласный в причастиях перфекта, в 13 случаях у них сохранились или реликты с редким в латинском языке суффиксом отглагольных прилагательных *-n-*, или соответствия с суффиксальным *-n-* в родственных и.-е. языках. Лишь неясное в этимологическом отношении *ōdī*, *-ōsus* не имеет таких соответствий. В то же время отсутствие перфектов **āgī*, **pāgī*, **tāgī*, **frāgī*, **rēgī*, **lēgī*, **Kādī*, **frēdī*, **tūdī* делает гипотезу Е. Куриловича — К. Уоткинса крайне неправдоподобной. Первопричина ее ошибочности заключается в том, что из семи разных типов образования перфекта в латинском языке (*amō — amāvī*, *vetō — vetuī*, *cadō — cecidī*, *agō — egī*, *maneō — mānsī*, *vertō — vertī*, *videō — vīdī*) берется лишь один последний тип, который не имеет ничего общего с большинством глагольных корней, претерпевших изменения по закону Лахмана. И, действительно, модель Е. Куриловича *lēgō — lēgī = lēgitur — lēctus est* (долгий гласный в перфекте противостоит краткому гласному в презенсе) «не работает» в случаях типа *tāngo — tetigī ≠ tāngitur — tāctus est*, где долгота гласного у причастия *tāctus* не может быть объяснена влиянием огласовки перфекта (как и в случаях *actus*, *pactus*, *cāsus*, *tūsus*). Более того, парадокс заключается в том, что даже в случаях, когда форма перфекта образуется путем удлинения корневого гласного (один из семи типов латинского перфекта), модель Е. Куриловича также «не работает». Например: *fōdiō — fodī*, но *fōditur — fōssus est* (после долгого гласного сочетание *-ss-* в латинском упрощалось). То же самое относится к случаю *(ob)sēssus est*, где долгота гласного в *(ob)sēdī* не привела к удлинению корневого гласного у причастия.

На основании всего изложенного можно сделать следующие выводы:

1) Попытки объяснить удлинение корневого гласного латинских причастий типа *actus*, *cāsus* аналогическим действием форм перфекта (включая модификацию этого объяснения, предложенную Е. Куриловичем) заводят весь вопрос о законе Лахмана в явный тупик. Свидетельством тому являются выводы некоторых исследователей о том, что перед нами — не фонетический закон (К. Уоткинс) и вообще — не закон и даже не закономерность (М. Перини).

2) Ф о н е т и ч е с к и й характер закона Лахмана определяется тем очевидным фактом, что ни один глагольный корень с исходом на глухой смычный (и вообще — на любой согласный, кроме звонкого смычного) не имеет *-to-* причастия с долгим гласным — независимо от долготы или

⁴ Об этом писал еще К. Бругман [28]; о наличии новообразований с суффиксом *-to-* среди латинских причастий см., например, [29]: оба автора никак не связывали свои положения с законом Лахмана.

и.-е. праформы	-n-	-men-, -r-	причастие перфекта
1. *agnos	литов. <i>agnūs</i> , ср.-ирл. <i>án</i> < *agno- [32, с. 7—8] «быстрый»	лат. <i>agmen</i> , др.-инд. <i>ajman</i> «движение», лат. <i>ager</i> , др.-греч. <i>ἀγρός</i> , др.-инд. <i>ajráh</i> «выгон», ср. <i>ajiráh</i> «быстрый»	<i>āctus</i> (по <i>ēgī</i>)
2. *pagnos	лат. <i>pignus</i> «залог» (из приставочных образований) [33]	лат. <i>pagmentum</i> «обивка», др.-инд. <i>paṛgrāh</i> «сильный, крепкий»	<i>pāctus</i> (по <i>pepigī</i>)
3. *bhragnos	гот. <i>ga-brukans</i> , ирл. <i>brán</i> «отрубл» (<*bragno-) [34]	лат. <i>fragmen(tum)</i>	<i>frāctus</i> (по <i>frēgī</i>)
4. *tagnos		лат. <i>con-tāmen</i> (<*tagsmō), <i>integer</i> (<*tagros)	<i>tāctus</i> (по <i>tetigī</i>)
5. *legnos	лат. <i>lignum</i> (<*lēgnom)	лат. <i>ab-legmina</i>	<i>lēctus</i> (лѣгī)
6. *regnos	лат. <i>rēgnum</i> , ср.-ирл. <i>rén</i> (<*regno-) «пядь» [32, с. 10], др.-греч. <i>ρεγνύς</i>	лат. <i>regimen(tum)</i>	<i>rēctus</i> (rēxi) [27, с. 234]
7. *tegnos	<i>tignum</i> (<*tēgnom)	лат. <i>tegmen(tum)</i>	<i>tēctus</i> (tēxi) [27, с. 234]
8. *kadnos	др.-инд. <i>ṣannāh</i> (причастие к <i>ṣad-</i> «падать»)		<i>cāsus</i> (по <i>cecidī</i>)
9. *ednos	др.-инд. <i>āpnat</i> «еда», др.-греч. <i>ἐδανός</i>	др.-инд. <i>ádman</i> «пища», литов. <i>ėdmenys</i> «пища», русск. диал. <i>емины</i> , литов. <i>ėdrā</i>	<i>ēsus</i> (ēdī)
10. *ghrednos	лат. <i>frēni</i> (<*fredsnoi) [35]	лат. <i>frēmentum</i> (<*fredsmntom) [13, с. 216—28; 36]	<i>frēsus</i> формы перфекта не засвидетельствованы
11. *odnos			<i>-ōsus</i> (ōdī)
12. *vidnos	др.-греч. <i>ἰ(ν)δνός</i> , др.-инд. <i>vidnan</i> «внимательность»		<i>vīsus</i> (vīdī)
13. *ghudnos	гот. <i>-giutan</i>		<i>fūsus</i> (fūdī)
14. *tudnos	др.-инд. <i>ṭunnāh</i> (причастие к <i>tud-</i> «бить, ударять»)		<i>tūsus</i> (но <i>tutudī</i>)

краткости корневого гласного в формах презенса и перфекта [вторичные изменения типа *rānsus < rānsus (позиция перед *ns*, ср. *in* + *sānus* → *īnsānus*) в расчет не принимаются].

Основная причина действия закона Лахмана — также фонетическая: оглушение звонкого смычного перед *t*, приведшее к удлинению предшествующего гласного.

3.) Это оглушение имело место только в латинских новообразованиях, появившихся в результате усилившейся продуктивности модели *agō* → **agtos* (> *āctus*) в эпоху формирования и унификации системы латинских причастий, что обусловлено вытеснением и.-е. отглагольных прилагательных с суффиксом *-no-* новообразованиями с суффиксом *-to-*. В тех

же случаях, когда в латинскую систему причастий вошли древние и.-е. отглагольные прилагательные с суффиксом *-to-*, удлинения корневого гласного не происходило («исключения» из закона Лахмана), т. е. оглушение звонкого смычного в этих образованиях произошло еще в и.-е. эпоху, когда, как это показывают данные родственных и.-е. языков, оглушение звонкого смычного не приводило к удлинению предшествующего гласного.

4) Таким образом, закон Лахмана — это сложное явление, при котором фонетические изменения происходили как следствие действия словообразовательных процессов, неразрывно связанных с процессами морфологическими (формирование латинского пассивного перфекта типа *actus est*). В этом смысле закон Лахмана — это не только фонетический закон, но также фонетико-словообразовательная и фонетико-морфологическая закономерность.

ЛИТЕРАТУРА

1. T. Lucretii Cari De rerum natura. Ed. Lachmanni C. Berolini, 1860, p. 54—55.
2. Saussure F. de. Sur un point de la phonétique des consonnes en indoeuropéen.— MSLP, 1889, t. VI, p. 256.
3. Sommer F. Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre. Heidelberg, 1902.
4. Meillet A. Sur la quantité des voyelles fermées.— MSLP, 1908—1909, t. XV.
5. Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, с. 99.
6. Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка. М., 1949, с. 70—71.
7. Maniet A. La «loi de Lachmann» et les antinomies de l'allongement compensatoire.— In: Hommages à M. Niedermann. Bruxelles, 1956, p. 230—233.
8. Fouché P. Assimilation et allongement vocalique dans les participes passés latins *visus, cūsus, cāsus, rāsus, trisus* etc.— In: Mélanges de linguistique offerts à A. Dauzat. Paris, 1954.
9. Osthoff H. Zur Geschichte des Perfects im Indogermanischen. Straßburg, 1884, S. 112—117.
10. Kent R. G. The sounds of Latin. 3-rd ed. New Haven, 1945, p. 146.
11. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959, с. 179.
12. Kurylowicz J. A remark on Lachmann's law.— In: Harvard studies in classical philology, 1968, v. 72.
13. Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967.
14. Pedersen H. Bartholomae's aspiratlov og Lachmann's tydning af Gellius IX, 6, XII, 3.— Nordisk tidsskrift for filologi, København, 1896—1897, bd. 5, række 3.
15. Otrębski J. O formach łacińskich typu *actus*.— In: Prace filologiczne, 1929, t. XIV.
16. Poultney J. W.— Journal of American philology, 1968, v. 89, № 2.— Рец. на кн.: Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967.
17. Katičić R.— IF 1970, Bd. 89.— Рец. на кн.: Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967.
18. Ходорковская Б. Б. Количественные чередования гласных и их роль в латинском отглагольном словообразовании.— ФН, 1970, № 4.
19. Карасева Т. А. Некоторые замечания по поводу закона Лахмана.— В кн.: Иноземна філологія, 1977, вип. 45: Питання класичної філології, № 14.
20. Watkins C. A further remark on Lachmann's law.— Harvard studies in classical philology, 1970, v. 74.
21. Watkins C. A case of non-chronological rule insertion.— In: Linguistic inquiry, 1970, v. I, p. 525—527.
22. Kurylowicz J. Indogermanische Grammatik, 2: Akzent, Ablaut. Heidelberg, 1968, S. 326—328.
23. Strunk K. Lachmann's Regel für das Lateinische. Eine Revision. Göttingen, 1976.
24. Collinge N. E. Lachmann's law revisited.— In: Folia linguistica, 1975, t. 8.
25. Perini M. A. The latest note on Lachmann's law.— In: Linguistic inquiry, 1978, v. IX, N 1.
26. Janson T. Mechanism of language change in Latin.— In: Studia Latina Stockholmiensia, 1979, v. 23.
27. Эрну А. Историческая морфология латинского языка. М., 1950, с. 234.
28. Brugmann K. Die mit dem Suffix *-to-* gebildeten Partizipia im Verbalssystem des Lateinischen und des Umbrisch-Oskischen.— IF, 1895, Bd. V, S. 94 (примеч.).
29. Stati S. Participul latin in *-to-*.— In: Studii și cercetări lingvistice, 1959, t. X.
30. Specht F. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944.
31. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, с. 27—64.
32. Strachan J. The compensatory lengthening of vowels in Irish.— In: Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, 1894, Bd. XX.
33. Niedermann M. E und i im Lateinischen. Darmstadt, 1897, S. 36.
34. Откупщиков Ю. В. К этимологии прандского *brān*.— Уч. зап. ЛГУ, 1961, № 293, сер. филол. наук, вып. 59.
35. Откупщиков Ю. В. Об этимологии латинского *frēnum*.— Вестник ЛГУ, 1961, № 20, вып. 4.
36. Otkupščikov Ju. The etymology of late Latin *fremmentum*. Annali [dell' Istituto Universitario Orientale di Napoli], sezione linguistica, 1965, v. VI.